

Культура. 1995. 29 июля
(125). - С. 1.

Поиски себя

Виталий ВУЛЬФ

Сегодня Ирину Мирошниченко часто можно увидеть на экране: она поет. Поет по-русски, поет по-французски. Песни пишет Андрей Никольский, одаренный музыкант. Одних ее пение раздражает, у других вызывает восхищение. Спорят: владеет она этим жанром или нет?! Это особое пение, короткие новеллы, лирические миниатюры, в них — женский опыт и знание жизни. Конечно, ее выступления на эстраде — это нарушение догмы. Ведь она актриса МХАТа. В старом Художественном театре во времена Станиславского и Немировича-Данченко это никто бы не разрешил. Но старого Художественного театра давно нет, мы живем в другие времена. И Ирина Мирошниченко на эстраде нашла себе пристанище.

Она всегда вызывала у меня уважение своим трудолюбием, своей жаждой работать. Молодая, красивая, элегантная, она пришла во МХАТ после окончания Школы-студии имени Немировича-Данченко и сразу заняла первое положение. В "Чайке" Чехова, поставленной Ливановым, сыграла Машу, едва ли не свою самую знаменитую роль тех лет. Премьера состоялась в декабре 1968 года. Маша — Мирошниченко ходила в экстравагантном черном платье, у нее была изящная шляпка, и Медведев смотрел на нее восхищенно, как на чудо, как на странную экзотическую птицу. И действительно, когда Мирошниченко говорила: "ногу отсидела" и хромала, то это воспринималось как выходка, а не как норма поведения. Замысел режиссера был четкий и ясный: в спектакле две Чайки — одна белая — Нина, другая черная — Маша. Театральная Москва единодушно признала молодую актрису.

Потом она вошла в "Три сестры", играла сначала Ольгу, потом Машу. Но спектакль уже шел почти тридцать лет, и ввод — есть ввод. Спустя годы в режиссуре Ефремова Ирина Мирошниченко сыграла Елену Андреевну, не повторив рисунок, найденный Андреем Михалковым-Кончаловским в его знаменитом фильме "Дядя Ваня". К тому времени она уже была мастером. Чехова играла много: Аркадину в "Чайке", Раневскую в "Вишневом саде", Сарру в "Иванове". В Сарре была скрытая рыдающая нота, актриса нигде не упивалась сво-

ими страданиями, была сдержанна, знала, что ничего изменить не дано.

За годы работы во МХАТе сыграла десятки ролей, постоянно снималась в кино, и от всей этой напряженной, насыщенной жизни сегодня остались в репертуаре Серафима в "Татуированной розе" Теннесси Уильямса и редко идущие "Чайка" и "Дядя Ваня". "Татуированную розу" поставил Роман Виктюк. Серафима — любимая роль, в ней сила чувств, строгий жест и редкая театральность формы. Психологически все нетривиально в ее Серафиме.

Когда сегодня я смотрю на Ирину Петровну, то удивляюсь ее выдержке, сохранности, молодости восприятия жизни, хотя, естественно, бывают и горькие, хмурые дни. Много уже прожито внутри, много нажито. Сейчас она ждет начала репетиций пьесы американского драматурга Теренса Макнелли "Губы вместе — зубы врозь". Боится задавать заранее. Вот репетировала-репетировала лермонтовский "Маскарад" (роль баронессы Штраль), а потом вышла из работы, всякое бывает в театре. На жизнь она смотрит трезво. Считает себя счастливой: играла с Тарасовой в "Валентине и Валентине" Роцина, с Грибовым, Яниным, Прудкиным, Андровской в "Соло для часов с боем" в постановке Олега Ефремова, была партнершей Смоктуновского в "Иванове", "Чайке", "Эквусе" Питера Шеффера. Но все это было уже давно.

Сегодня МХАТ разделен, и она осталась с Ефремовым во МХАТе имени Чехова. Играет мало, гораздо меньше, чем могла бы, но не унывает. Впереди роль, а пока — пока Мирошниченко поет. Ездит по разным городам, готовит новые программы, записывает диски, участвует в сборных концертах и меньше всего задумывается над тем, кто любит и кто не любит, как она поет. Она знает, что ей, актрисе опытной, умелой, надо научиться слить воедино мир ее чувств и мир, внутри которого она живет. Она все еще ищет свою эстрадную маску, свой стиль и нервничает перед каждым выходом на сцену, как в годы, когда начинала. Она не сдается и верна себе, своей блистательной внешней форме и своему спрятанному от других внутреннему миру. Она энергична и деятельна, как всегда. И как каждая истинная актриса ждет новой роли и начала репетиций. Женственность и красота всегда были спутниками ее самых больших удач на сцене и на экране. Это ведь большое мужество — жить и отстаивать прекрасной. Выручает природная потребность быть в театре: знакомые зеркала в гримерной, знакомый голос помощника режиссера — "Ирина Петровна, Вы готовы?", — и зрительный зал, к которому привыкла и без которого, в сущности, нет жизни. ●

Фото Н. ГНЕСЮКА